

УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

Сонеты

Москва
2018

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Ш41

Перевод с английского

Составление, предисловие, статьи *Г. Кружкова*

Оформление серии
«Всемирная библиотека поэзии» *И. Саукова*

Оформление серии
«Золотая серия поэзии» *А. Саукова*

Шекспир, Уильям.

Ш41 Сонеты и поэмы : [перевод с английского] /
Уильям Шекспир. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 352 с.

Поэма «Венера и Адонис» принесла славу Шекспиру среди образованной публики, говорят, лондонские прелестницы держали книгу под подушкой, а оксфордские студенты заучивали наизусть целые пассажи и распевали их на улицах. «Лукреция» также имела немалый успех у читателя, в основу поэмы положен сюжет из древнеримской истории, описанный Титом Ливием и Овидием, пересказанный Дж. Чосером в «Легендах о добрых женах».

Дискуссии вокруг сонетов Уильяма Шекспира до сих пор не утихают: действительно ли сонеты автобиографичны? Существовал ли любовный треугольник, о котором говорится в сонетах 133, 134 и 144? Кто был прототипом Друга и Смуглой дамы? Знаменитые сонеты Шекспира издаются в классическом переводе Самуила Маршак.

В дополнение вошли четыре эссе переводчика Г. М. Кружкова, посвященные интригующим и не до конца проясненным вопросам, касающимся поэм Шекспира и его сонетов.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-04-093878-0
(Золотая серия поэзии)
ISBN 978-5-699-75847-0
(Всемирная библиотека поэзии)

© Г. Кружков, составление, предисловие,
статьи, перевод, 2018
© Т. Щепкина-Куперник, перевод.
Наследники, 2018
© С. Маршак, перевод. Наследники, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для всего мира Шекспир, прежде всего, автор «Гамлета», «Ромео и Джульетты», «Отелло» и других знаменитых пьес — трагедий и комедий, непревзойденный драматург, чьи пьесы переведены почти на все языки мира и более четырех веков не сходят со сцены. Его произведения, предназначавшиеся не для театра, а для чтения — поэмы и сонеты — известны, вообще говоря, меньше; хотя у нас, в России, сонеты Шекспира приобрели исключительную популярность благодаря переводам С. Маршака, опубликованным в 1948 году¹.

Парадокс заключается в том, что в эпоху Шекспира быть автором поэтических книг было престижнее, чем драматургом — то есть ремесленником, поставляющим продукцию для развлечения простого народа. Поэтому Шекспир и называет поэму «Венера и Адонис», напечатанную в 1593 году, «первенцем моей фантазии», хотя к тому времени он уже был автором, по крайней мере, полудюжины пьес, с успехом идущих на лондонской сцене. Именно «Венеру и Адониса» он считал своим литературным дебютом.

---

¹ С тех пор многие пытались превзойти Маршака, заменить его «упрощающие» и «извращающие оригинал» переводы на свои, правильные; но убедительно это сделать до сих пор никому не удалось.

В посвящении юному графу Саутгемптону (блестящему вельможе и известному покровителю искусств) он пишет: «Боюсь, не оскорблю ли я Вашу милость, посвящая Вам эти несовершенные строки, и не осудит ли меня свет за избрание столь мощной опоры для такой легковесной ноши; но если я заслужу Ваше одобрение, то сочту это за величайшую награду и поклянусь употребить весь мой досуг, чтобы почтить Вас более достойным творением. Если же первенец моей фантазии окажется уродом, я буду устыжен, что выбрал ему столь благородного крестного отца, и никогда более не дерзну возделывать неплодородную почву, приносящую столь убогий урожай...»

«Первенец фантазии» не оказался уродом — наоборот, он принес своему автору славу среди образованной публики; говорят, что лондонские прелестницы держали книгу под подушкой, оксфордские студенты заучивали наизусть целые пассажи и распевали их на улицах.

Между тем, чума, выгнавшая актеров из Лондона и давшая Шекспиру досуг для сочинения «Венеры и Адониса», после некоторого перерыва снова пришла в город. Театры и другие места развлечений были закрыты постановлением лондонского мэра. У Шекспира вновь образовывалось свободное время, которое он мог употребить на сочинение стихов. Ободренный успехом первой поэмы, он делает вторую попытку и преподносит свой новый труд тому же графу Саутгемптону; но тон его посвящения на этот раз более уверенный, он упоминает о «доказательствах Вашего лестного отношения ко мне» — по-видимому, первая поэма была принята благосклонно.

«Обещанная Лукреция» (*The Rape of Lucrece*,

1594) в полтора раза длинней первой поэмы Шекспира и написана более изощренно — не шестистишиями, как «Венера и Адонис», а семистрочной строфой с тройными рифмами, так называемой «королевской строфой», введенной в английскую поэзию Джеффри Чосером.

В основу поэмы положен сюжет из древнеримской истории, описанный Титом Ливием и Овидием, пересказанный тем же Чосером в его «Легендах о добрых женах». Мрачный тон этой вещи контрастирует с ярким и жизнерадостным колоритом «Венеры и Адониса»; но и «Лукреция» также имела немалый успех у читателя и шесть раз переиздавалась при жизни автора.

Сонеты Шекспира, которые современники называли «сладостными и медоточивыми», после его смерти два века пробыли в опале и пренебрежении, и лишь романтики вновь оценили их и привлекли к ним внимание публики. Уильям Вордсворт писал, что «этим ключом Шекспир открыл нам свое сердце» (*with this key Shakespeare unlocked his heart*). Вокруг этого тезиса и развернулся двухсотлетний спор, который продолжается до сих пор. Действительно ли эти сонеты автобиографичны, и если да, то до какой степени? Какие жизненные коллизии таятся за угадываемым нами сюжетом сонетного цикла? Существовал ли в действительности любовный треугольник, о котором говорится в сонетах 133, 134 и 144? Кто был прототипом Друга и Смуглой дамы? И наконец — или, может быть, это должно стать первым вопросом — было ли первое издание 1609 года авторизовано или его напечатали пиратским образом, без ведома автора, в неисправном и перепутанном виде?

Дискуссии вокруг шекспировских сонетов не остывают. Особенно они полюбились «антистрадфордian-

цам», выдвигающим на место автора шекспировских произведений графа Оксфорда, либо графа Ретленда, либо Кристофера Марло, либо Фрэнсиса Бэкона или кого-то еще из современников великого Барда. Здесь они нашли богатую пищу для своих коспирологических теорий и фантастических построений. Справедливы, по-видимому, слова авторитетного критика Эдмунда Чамберса, сказанные еще в 1930 году: «О шекспировских сонетах было написано больше глупостей, чем о любом другом произведении Шекспира». И все-таки тайна «Сонетов» продолжает мучить умы, и фраза Вордсворта о «ключе к сердцу Шекспира» по-прежнему искушает исследователей.

Кроме сонетов, «Венеры» и «Лукреции», мы включили в это издание маленькую поэму «Жалобы влюбленной». Она была напечатана в издании 1609 года под одной обложкой с сонетами и, в отличие от других приписываемых Шекспиру стихов, признана большинством шекспироведов как подлинно шекспировская вещь.

В «Дополнение» вошли четыре эссе составителя, посвященные интригующим и не до конца проясненным вопросам, касающимся поэм Шекспира и его сонетов.

Г. Кружков

ПОЭМЫ

ВЕНЕРА И АДОНИС

*Vilia miretur vulgus: mihi flavus Apollo
Pocula Castalia plena ministret aqua*¹.

*Высокочитимому Генри Ризли,
графу Саутгемптону, барону Тичфорду*

Высокочитимый Сэр,

Боюсь, не оскорблю ли я Вашу милость, посвящая Вам эти несовершенные строки, и не осудит ли меня свет за избрание столь мощной опоры для такой легковесной ноши; но если я заслужу Ваше одобрение, то сочту это за величайшую награду и поклянусь употребить весь мой досуг, чтобы почтить Вас более достойным творением. Если же первенец моей фантазии окажется уродом, я буду устыжен, что выбрал ему столь благородного крестного отца, и никогда более не дерзну возделывать неплодородную почву, приносящую столь убогий урожай. Представляю его на Ваше милостивое рассмотрение и желаю Вашей милости благополучия и исполнения всех Ваших сердечных желаний для блага света, возлагающего на Вас великие надежды.

Всегда к услугам Вашей милости,

Уильям Шекспир

---

¹ Низким пусть тешится чернь; а мне Аполлон величавый / Сладкой кастальской струей доверху чашу наполнит (*лат.*).

В тот час, когда в последний раз прощался
Рассвет печальный с плачущей землей,
Младой Адонис на охоту мчался:
Любовь презрел охотник удалой.
Но путь ему Венера преграждает
И таковою речью убеждает:

«О трижды милый для моих очей,
Прекраснейший из всех цветов долины,
Ты, что атласной розы розовой,
Белей и мягче шейки голубиной!
Создав тебя, природа превзошла
Все, что доселе сотворить могла.

Сойди с коня, охотник горделивый,
Доверься мне! — и тысячи услад,
Какие могут лишь в мечте счастливой
Пригрезиться, тебя вознаградят.
Сойди, присядь на мураву густую:
Тебя я заласкаю, зацелую.

Знай, пресыщенье не грозит устам
От преизбытка поцелуев жгучих,
Я им разнообразье преподам
Лобзаний — кратких, беглых и тягучих.
Пусть летний день, сияющий для нас,
В забавах этих пролетит, как час!»

Сказав, за влажную ладонь хватает
Адониса — и юношеский пот,
Дрожа от страсти, с жадностью вдыхает
И сладостной амброзией зовет.
И вдруг — желанье ей придало силы —
Рывком с коня предмет свергает милый!

Одной рукой — поводья скакуна,
Другой держа строптивца молодого,
Как уголь, жаром отдает она;
А он глядит брезгливо и сурово,
К ее посулам холоднее льда,
Весь тоже красный — только от стыда.

На сук она проворно намотала
Уздечку — такова любви прыть!
Привязан конь: недурно для начала,
Наездника осталось укротить.
Верх в этот раз ее; в короткой схватке
Она его бросает на лопатки.

И быстро опустившись рядом с ним,
Ласкает, млея, волосы и щеки;
Он злится, но лобзанием своим
Она внезапно гасит все упреки
И шепчет, прилепясь к его устам,
«Ну нет, браниться я тебе не дам!»

Он пышет гневом, а она слезами
Пожары тушит вспылчивых ланит
И сушит их своими волосами,
И ветер вздохов на него струит...
Он ищет отрезвляющее слово —
Но поцелуй все заглушает снова!

Как алчущий орел, крылом тряся
И вздрагивая зобом плотоядно,
Пока добыча не исчезнет вся,
Ее с костями пожирает жадно,
Так юношу прекрасного взхлеб
Она лобзала — в шею, в щеки, в лоб.

От ласк неукротимых задыхаясь,
Он морщится с досады, сам не свой;
Она, его дыханьем упиваясь,
Сей дар зовет небесною росой,
Мечтая стать навек цветочной грядкой,
Поимой щедро этой влагой сладкой.

Точь-в-точь как в сеть попавший голубок,
Адонис наш — в объятиях Венеры;
Разгорячен борьбой, розовощек,
В ее глазах прекрасен он без меры:
Так, переполняясь ливнями, река
Бурлит и затопляет берега.

Но утоленья нет; мольбы и стоны,
Поток признаний страстных и похвал —
Все отвергает пленник раздраженный,
От гнева бледен, от смущенья ал.
Ах, как он мил, по-девичьи краснея!
Но в гневе он еще, еще милее.

Что делать в этой беде? И вот
Богиня собственной рукой клянется,
Что слез, катящих градом, не уймёт
И от груди его не оторвется,
Покуда он, в уплату всех обид,
Один ей поцелуй не возвратит.

Услышав это, он насторожился,
Как боязливый селезень-нырок,
Скосил глаза — и было согласился
Ей заплатить желаемый оброк,
Но близкий жар у губ своих почуя,
Вильнул и ускользнул от поцелуя.

В пустыне путник так не ждал глотка,
Как жаждала она сей дани страстной;
Он рядом — но подмога далека,
Кругом вода — но пламя неугасно.

«О мой желанный, пощади меня!
Иль вправду ты бесчувственной кремня?»

Как я тебя сейчас, меня когда-то
Молил войны неукротимый бог;
Набыча шею грубую солдата,
Рабом склонялся он у этих ног,
Униженно прося о том, что ныне
Без просьбы ты получишь у богини.

На мой алтарь он шлем свой воздевал,
Швырял свой щит и пику боевую —
И мне в угоду пел и танцевал,
Шутил, дурачился напропалую,
Смирив любовью свой свирепый нрав
И полем брани грудь мою избрав.

Так триумфатор прежде необорный
Был красотой надменной покорен;
В цепях из роз, безвольный и покорный,
Побрел за победительницей он.
Но, милый мой, не стань еще надменной,
Сразив ту, кем сражен был бог сражений.

Дай губы мне! Зачем поник твой взор?
Что он в траве так рьяно созерцает?
Вскинь голову и погляди в упор
В мои зрачки: ты видишь, как мерцает
Прекрасный образ, отраженный там?
Глаза в глаза — так и уста к устам!